

СОДЕРЖАНИЕ

О СОСТАВИТЕЛЕ.....	9
ВВЕДЕНИЕ.....	11
ЦАРСТВА, ЗАПРЕТНЫЕ ДЛЯ ЖИВЫХ	
<i>Древняя Греция и Рим</i>	17
ТАРТАР, ТЕМНИЦА ТИТАНОВ.....	21
МЕГАФАУНА ПРЕИСПОДНЕЙ.....	26
ОДИССЕЙ У ВРАТ СМЕРТИ.....	29
СОКРАТ РАССУЖДАЕТ О НАКАЗАНИИ ДУШИ.....	33
В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ.....	36
РАННЕХРИСТИАНСКИЕ ЛАНДШАФТЫ АДА	
<i>(ок. 100~500)</i>	47
ОГОНЬ И ЧЕРВЬ.....	50
БОГАЧ И ЛАЗАРЬ.....	54
ПОВЕДА НАД СМЕРТЬЮ: СОШЕСТВИЕ ВО АД.....	56
НА КРАЮ БЕЗДНЫ	
<i>Раннее Средневековье (ок. 500~1000)</i>	67
НА ТОМ БЕРЕГУ ЧЕРНОЙ РЕКИ.....	70
СМОТРИ, ПЛАМЯ СОВСЕМ ВЛИЗКО.....	74
ДРИКТЕЛЬМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ МЕРТВЫХ.....	79
ОСТРОВ ОГНЕННЫХ ГИГАНТОВ.....	86
ВО ТЬМУ КРОМЕШНУЮ	
<i>«Видение Тундала» (ок. 1500)</i>	99
ПУТЬ В АД.....	103
РАСПЛАТА ЗА ГРЕХИ.....	106
ВЕЛИКАЯ БЕЗДНА.....	119

УЧЕНИЕ О ПЫТКАХ	
<i>Высокое Средневековье (ок. 1000~1300)</i>	125
УРОКИ УЖАСА.....	127
ПОУЧЕНИЕ О БОЛИ.....	130
ТРИ ПРИТЧИ О МУКАХ.....	133
ЗАМОГИЛЬНЫЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ.....	140
ГНУСНАЯ ВЫДУМКА.....	146
ОСТАВЬ НАДЕЖДУ	
<i>«Ад» Данте (ок. 1320)</i>	153
У ВРАТ АДА.....	157
МУТНЫЙ ОМУТ.....	163
КИПЯЩАЯ КРОВЬ.....	165
ЛЕС САМОУБИЙЦ.....	171
СКОВАННЫЕ ЛЬДОМ.....	178
ПЕЧАЛЬНАЯ ПОДРУГА ВСЕХ НЕСЧАСТИЙ	
<i>Представления о загробном мире в эпоху раннего Нового времени (ок. 1500~1700)</i>	185
УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ.....	189
В ВЕЧНУЮ ПЕЧЬ.....	196
И СМЕРТЬ ПОГЛОТИТ ИХ ЖИВЬЕМ.....	211
УЖАС ПЕРЕД АДОМ НАСЕЛЯЕТ РАЙ	
<i>XIX столетие</i>	215
АД ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	217
МЕСТО, ЧУЖДОЕ ВСЯКОМУ МИЛОСЕРДИЮ.....	239
АД РУКОТВОРНЫЙ	
<i>XX столетие и далее</i>	247
ФАБРИКИ СМЕРТИ.....	251
ОГОНЬ В НЕБЕСАХ.....	259
СУММА СТРАДАНИЙ.....	264
МИКСТЕЙП ГУАНТАНАМО.....	274
ПРИМЕЧАНИЯ.....	276
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ.....	288
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	289
БЛАГОДАРНОСТИ.....	295

О СОСТАВИТЕЛЕ

Скотт Брюс — профессор истории Фордхемского университета. Составитель вышедшего в издательстве *Penguin Books* сборника «Книга бессмертных» (*The Penguin Book of the Undead*) и автор трех книг об аббатстве Ключни: «Молчание и язык жестов в монашестве Средневековья: традиция Ключни, ок. 900–1200» (*Silence and Sign Language in Medieval Monasticism: The Cluniac Tradition, c.900–1200*, 2007); «Ключни и мусульмане в Ла-Гард-Френе: Агиография и проблема ислама в средневековой Европе» (*Cluny and the Muslims of La Garde-Freinet: Hagiography and the Problem of Islam in Medieval Europe*, 2015); «*Relatio metrica de duobus ducibus*: Ключнийская поэма XII века о молитве за упокой души» (2016, в соавторстве с А. Джонсом). Соредактор журнала *The Medieval Review*, член Американской академии медиевистики. Преподавал в университетах Израиля, США, Канады и Европы, был приглашенным исследователем в Техническом университете Дрездена (Германия), Гентском университете (Бельгия) и Эммануил-колледже Кембриджского университета (Великобритания). В студенческие годы подрабатывал могильщиком.

ВВЕДЕНИЕ

Ад — место, где христиане расплачиваются за грехи после смерти, — это, пожалуй, самый мощный и убедительный образ, рожденный человеческим воображением, во всей европейской традиции. Преисподняя, вечные муки, темница, где томятся грешные души и ими правит падший ангел, превзошедший своими пороками всех живых существ, — вот уже более двух тысячелетий Ад вселял ужас и тем самым определял поступки бесчисленного числа людей. Научный прогресс сильно пошатнул авторитет Священного Писания, а последние открытия ученых изменили наши представления о том, что такое род человеческий и каково наше место во Вселенной, но концепция Ада неизменно остается частью европейского мышления. В современном дискурсе «ад» служит расхожей метафорой для разного рода трудностей («так тяжело, это просто ад») или крайностей («печет как в аду»), но все же это слово не потеряло своего религиозного статуса в наш так называемый Век Разума. Опрос Исследовательского центра Пью в 2014 г. показал, что 58% совершеннолетних жителей Америки верят в существование места, «где вечно наказывают тех, кто при жизни поступал плохо и умер, не покайся».

Упорная вера в Ад, сохраняющаяся в наши дни, — повод углубиться в его долгую историю. Первые описания преисподней появились тогда же, когда зародилась сама письменность. Жители древней Месопотамии изображали злоеущий загробный мир в «обители праха», древние египтяне трепетали от одной мысли о суде Анубиса, бога смерти; однако эти традиции повлияли на европейскую культуру меньше, чем царство сумрака и тьмы, описанное в Ветхом Завете (Шеол), а также в греческой и римской литературе (Аид). Сказание о том, как Эней спустился в подземное царство, и описания ландшафта и мегафауны этих мест в «Энеиде» римского поэта Вергилия (70–19 до н. э.) также имели огромное значение; эта поэма оказала влияние на средневековых интеллектуалов и поэтов, в особенности на Данте Алигьери (1261–1321). Таким образом, первые христиане унаследовали богатую традицию идей и образов загробной жизни от своих современников, иудеев и язычников, но в представлениях о подземном царстве не только подражали другим религиям. На протяжении нескольких веков, от эпохи Христа до триумфа Церкви во времена Августина Блаженного (354–430), христианские мыслители очерчивали контуры и функции христианского Ада, имея перед глазами античные модели, но согласуясь со своим пониманием первородного греха и Божьей милости.

В I тысячелетии н. э. авторы раннего Средневековья придумали карающий загробный мир, его свойства и жутких обитателей. Все это подробно описано в народных сказаниях, не включенных в церковный канон, — например, о путешествии в Ад апостола Павла, сопровождаемого ангелом, или в легенде о том, как Христос, три дня пребывая во гробе, спускался в преисподнюю, чтобы освободить души ветхозаветных праведников из темницы Аида (так называемое Сошествие во ад). В ярких фантазмагорических

путешествиях по Аду его обитатели и мучения грешников описываются с дидактической целью — они помогают читателям, давшим монашеский обет, избежать грехов, которые могут закрыть дорогу в Рай. Понадобилась почти тысяча лет, чтобы эти тексты смогли войти в церковный канон, но в Высоком Средневековье (ок. 1000–1300) такие теологи, как Фома Аквинский, с беспристрастной рассудительностью описывали виды мучений, которые могут ждать грешников в Аду, и отношения между блаженными и проклятыми. К исходу Средних веков Данте Алигьери соединил популярные представления о наказании в посмертной жизни и продуманные умозаключения мыслителей-схоластов о Божьей каре в своей грандиозной поэме «Божественная комедия». Его поэтическое изображение Ада (Инферно) — это апогей страданий грешников в воображении людей Средневековья.

В ходе протестантской Реформации ранние мыслители Нового времени поставили под сомнение средневековое понимание Ада. В XVI в. реформаторы-протестанты, как и их оппоненты-католики, считали, что Ад ждет грешников в конце пути, но предпочитали толковать вечные муки как нечто абстрактное, например как муки совести и раскаяние, а не в конкретных образах адского пламени, распространенных в католической традиции. Новые открытия в науке и социальные реформы вновь поместили концепцию Ада в центр внимания: в Викторианскую эпоху христиане поставили под сомнение то, что терзания в Аду вечны, хотя перед теоретиками-эволюционистами во главе с Дарвином отстаивали веру в жизнь после смерти. На этот период приходится пик секулярной критики самой идеи Ада. Разумеется, ведь идея о расплате за грехи после смерти нет места в мире науки и рассудка, не так ли?

Несмотря на то что в современном мире больше нет традиционной религиозной веры, идея Ада сохранилась

и процветает. Хотя в последние столетия все меньше людей верили в реальность преисподней как определенного места, идея Ада оставалась распространенной метафорой и, что особенно страшно, подсказывала, как обращаться с другими людьми. Две мировые войны и Холокост, ужасающее положение заключенных и удерживаемых без суда, политические катастрофы современного мира повышают значение концепции Ада как метафоры страдания и муки. Хотя многие люди в наши дни не воспринимают Ад буквально как место, где их ждет расплата после смерти, они все же вдохновляются историческим образом преисподней, причиняя другим страдания при жизни, устраивая им «ад на земле». Современные технологии и рациональное мышление, которое, по общему мнению, отличает нас от предков, позволяют совершать массовые убийства и создавать inferнальные пейзажи одним нажатием кнопки. По иронии судьбы мы сами стали демонами, которых наши предки так боялись повстречать.

Из этой книги читатель узнает, какие формы принимали адские муки в воображении европейцев: души грешников погружались в пышущую жаром лаву, их грызли огромные черви, обжигали горячие цепи, леденил страшный холод и пожирала чудовища. Ландшафты Ада столь же разнообразны, как его муки. В средневековых описаниях монахи и рыцари проходили через высокие башни, темные лощины и топкие болота, полные демонов и мифических существ. В современных повествованиях Ад превратился в бескрайнюю темницу из раскаленного железа, исходящую дымом, с огромными прочными воротами, обезумевшие от мучений грешные души бьются о них, но не в силах избежать наказания. Литература об Аде может похвастать знаменитыми негодьями прошлого, но, как правило, грешники — это простые люди, такие же, как мы с вами, осужденные на вечное наказание за грехи. Рассказы про Ад — почти всегда

дидактические и назидательные, они написаны, чтобы вызвать страх и чему-то научить читателя, убедить грешника исповедаться или, что еще лучше, не грешить вовсе. Но это не облегчает чтения. Гораздо страшнее то, что Ад на земле, перестав контролировать фантазию современного человека, стал одной из главных метафор в европейском обществе и играет важную роль в наших отношениях. Хотя мы все взываем к рассудку и состраданию, силы Ада пока не исчерпаны.

Скотт Брюс

ЦАРСТВА,
ЗАПРЕТНЫЕ
ДЛЯ ЖИВЫХ
Древняя Греция и Рим¹

Под безжалостным небом античного мира люди утешали себя надеждой, что их бытие не ограничивается жизнью, но перспективы загробного мира, как правило, были мрачными. В древних цивилизациях Месопотамии и Египта большинство людей, сумевших дожить до зрелого возраста, занимались натуральным хозяйством и рано умирали от полученных травм, болезней, а женщины еще и во время родов. Смерть подстерегала человека буквально на каждом шагу. В легендах Месопотамии душам усопших не грозило наказание за провинности: каждому, безотносительно к статусу, было суждено неприятное существование. После смерти душа попадала в «страну, откуда нет возврата» и пребывала в виде бесплотной тени в «доме пыли» под землей. Неудивительно, что в мифах чувствуется особый интерес к победе над ужасающей фигурой смерти. В самом древнем из известных нам образцов человеческой литературы, «Эпосе о Гильгамеше» (ок. 2100 до н. э.), царь Месопотамии отправляется в рискованное путешествие, чтобы открыть секрет вечной жизни и избежать участи всех смертных, но в конце концов узнает, что это невозможно. Бессмертны только боги.

Представления древних египтян о загробном мире были не столь мрачными, как у их соседей из Месопотамии. В эпоху Среднего царства (2055–1650 до н. э.) жители Египта твердо верили в то, что царство мертвых открыто для всех людей. Однако в отличие от других культур Античности они считали, что посмертную жизнь определяет поведение человека при жизни. Египтяне, которые жили согласно маат

(этическому закону доброты и справедливости), могли надеяться, что попадут в чертоги изобилия к Осирису. Но если сердце умершего перевешивало на весах бога смерти Ану-биса перо (символ маат), нарушитель умирал заново, и вторая смерть была ужасна. Отступника «разрывали на части» и сбрасывали в кипящую пропасть огнеликие демоны.

Загробные традиции древней Месопотамии и Египта не так ценились в западной культуре, как сюжеты, рассказанные греками, а позже — римлянами. В греческой преисподней обычные души никто не судил. Они населяли Аид, мрачное подземное царство, как бесчисленные тени, лишенные прежних черт, и им оставались лишь печальные воспоминания о жизни на земле. Когда греческий герой Одиссей входит в Дом Смерти (этот эпизод описан в «Одиссее» Гомера), тень могучего воина Ахилла предупреждает его, что жизнь после смерти лишь жалкое существование: «Не утешай меня в том, что я мертв, Одиссей благородный! Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату у бедняка, мужика безнадельного, вечно работать, нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью» («Одиссея», Песнь 11, 488–491)*.

В описаниях Гомера и других античных поэтов загробный мир греков представлял собой мрачное царство, населенное не только тенями умерших, но и такими мифическими чудовищами, как трехголовый пес Кербер (Цербер), охранявший царство Аида. Глубочайшая бездна Аида называлась Тартаром. Она служила темницей для восставших титанов и местом, где томились герои мифов Титий, Тантал и Сизиф, обреченные вечно страдать за то, что бросили вызов богам. Впрочем, уже через несколько веков идея посмертных

* Перевод В. В. Вересаева.

наказаний подверглась демократизации. Около 400 г. до н. э. философ Сократ и его собеседники допустили, что души всех умерших мучают за преступления, совершенные ими при жизни. Позднее римский поэт Вергилий (70–19 до н. э.) описывал подземное царство как место, где простых смертных ждет кара за длинный перечень преступлений. Он особо выделял тех, кто враждовал с родными, был не честен с клиентами, наживал богатства, был убит за прелюбодеяние, совершил государственную измену и нарушил присягу, а теперь «казни здесь ждет» («Энеида», Книга 6, 709–710). В языческом мире Античности «Энеида» Вергилия стала мощным и популярным источником веры в подземное царство, определив все последующие описания кар загробного мира уже в христианскую эпоху.

ТАРТАР, ТЕМНИЦА ТИТАНОВ¹

Один из первых греческих поэтов Гесиод жил около 700 г. до н. э. Из его многочисленных поэм до нас дошла «Теогония» («Рождение богов»), в которой описано происхождение космоса и древнегреческих богов. Центральный сюжет поэмы — титаномахия, война обитателей Олимпа во главе с Зевсом с прежним поколением богов — отцом Зевса Кроносом и титанами — за власть над миром. Титаны потерпели поражение в десятилетней войне и были низвергнуты в подземное царство: «Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба, Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар». Сторожить Тартар Зевс поставил сто-руких гигантов Котта, Бриарея и Гиеса. Гесиод описывает этот сумрачный мир как вечную темницу, но один из титанов не избежал дополнительного наказания: Атлант, «сын Иапета», вечно держит «на голове и руках неустанных широкое небо».

Согласно «Теогонии», поверженные титаны были не единственными обитателями Тартара. В недрах земных также жили некоторые олимпийские боги, которые по обыкновению сторонились солнечного света. Здесь обитали Ночь и ее дети, «ужасный бог» Сон и его брат Смерть, ненавистный

даже богам. Хозяином этого подземного мира был старший брат Зевса Аид, он правил вместе со своей ужасной женой Персефонеей (Персефоной). Страшный пес Кербер охранял их «гулкие дома», он встречал гостей, виляя хвостом, но пожирал любого, кто порывался уйти. В поэме Гесиод также рассказывает, что Кербер был одним из свирепых потомков нимфы Ехидны и гиганта Тифона, которые зачали многих чудовищ в античной Греции. Впрочем, в отличие от большинства античных авторов, поэт описал Кербера как несказанно кровожадного, «медноголового» пса с пятьюдесятью головами. 🐾

Заревело ужасно безбрежное море,
Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье,
Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней.
Так они друг против друга метали стениящие стрелы.
Тех и других голоса доносились до звездного неба.
Криком себя ободряя, сходились боги на битву.

Сдерживать мощного духа не стал уже Зевс, но тотчас же
Мужеством сердце его преисполнилось, всю свою силу
Он проявил. И немедленно с неба, а также с Олимпа,
Молнии сыпля, пошел Громовержец-владыка. Перуны,
Полные блеска и грома, из мощной руки полетели
Часто один за другим; и священное взвихрилось пламя.
Жаром палимая, глухо и скорбно земля загудела,
И затрещал под огнем пожирающим лес неисчетный.
Почва кипела кругом. Окееана кипели теченья
И многошумное море. Титанов подземных жестокий

Жар охватил, и дошло до эфира священного пламя
Жгучее. Как бы кто ни был силен, но глаза ослепляли
Каждому яркие взблески перунов летящих и молний.
Жаром ужасным объят был Хаос. И когда бы увидел
Все это кто-нибудь глазом иль ухом бы шум тот услышал,
Всякий, наверно, сказал бы, что небо широкое сверху
Наземь обрушилось, — ибо с подобным же грохотом страшным
Небо упало б на землю, ее на куски разбивая, —
Столь оглушительный шум поднялся от божественной схватки.
С ревом от ветра крутилася пыль, и земля содрогалась;
Полные грома и блеска, летели на землю перуны,
Стрелы великого Зевса. Из гущи бойцов разъяренных
Клики неслись боевые. И шум поднялся несказанный
От ужасающей битвы, и мощь проявилась деяний.
Жребий сраженья склонился. Но раньше, сошедшись друг
с другом,
Долго они и упорно сражались в схватках могучих.

В первых рядах сокрушающе-яростный бой возбудили
Котт, Бриарей и душой ненасытный в сражениях Гиес.
Триста камней из могучих их рук полетело в Титанов
Быстро один за другим, и в полете своем затенили
Яркое солнце они. И Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли и на них наложили
Тяжкие узы, могучеством рук победивши надменных.
Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далёко до неба,
Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:

Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,
В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.
Медной оградой Тартар кругом огорожен. В три ряда

Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря.
Там-то под сумрачной тьмою подземною боги Титаны
Были сокрыты решеньем владыки бессмертных и смертных
В месте угрюмом и затхлом, у края земли необъятной.
Выхода нет им оттуда — его преградил Посидаон
Медною дверью; стена же все место вокруг обегает.
Там обитают и Котт, Бриарей большедушный и Гисс,
Верные стражи владыки, эгидодержавного Зевса.

Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы, и начала,
Страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут.
Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота,
Дна не достиг бы той бездны в течение целого года:
Ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б,
Стали б швырять и туда и сюда. Даже боги боятся
Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи
Там расположены, густо одетые черным туманом.
Сын Иапета пред ними бескрайне широкое небо
На голове и на дланях, не зная усталости, держит
В месте, где с Ночью встречается День: чрез высокий ступая
Медный порог, меж собою они перебросятся словом —
И разойдутся; один поспешает наружу, другой же
Внутрь в это время нисходит: совместно обоих не видит
Дом никогда их под кровлей своею, но вечно вне дома
Землю обходит один, а другой остается в жилище
И ожидает прихода его, чтоб в дорогу пуститься.
К людям на землю приходит один с многовидящим светом,
С братом Смерти, со Сном на руках, приходит другая, —
Гибель несущая Ночь, туманом одетая мрачным.
Там же имеют дома сыновья многосумрачной Ночи,

Сон со Смертью — ужасные боги. Лучами своими
Ярко сияющий Гелий на них никогда не взирает,
Всходит ли на небо он иль обратно спускается с неба.
Первый из них по земле и широкой поверхности моря
Ходит спокойно и тихо и к людям весьма благосклонен —
Но у другой из железа душа и в груди беспощадной —
Истинно медное сердце. Кого из людей она схватит,
Тех не отпустит назад. И богам она всем ненавистна.

Там же стоят невдали многозвонкие гулкие дома
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.
Сторожем пес беспощадный и страшный сидит перед входом.
С злою, коварной повадкой: встречает он всех проходящих,
Мягко виляя хвостом, шевеля добродушно ушами.
Выйти ж назад никому не дает, но, наметясь, хватает
И пожирает, кто только попробует царство покинуть
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.

МЕГАФАУНА ПРЕИСПОДНЕЙ¹

В античной мифологии ужасный пес Кербер охранял вход в Царство мертвых, владения Аида и Персефоны. Он был стражем, а не палачом, и его присутствие служило напоминанием о вечной границе, пролежавшей между миром живых и миром мертвых. Страшному на вид Керберу все-таки не всегда удавалось помешать греческим героям попасть в загробный мир. Когда от укуса змеи умерла Эвридика, ее убитый горем муж певец Орфей спустился в Аид, чтобы вернуть ее. У врат смерти он спел колыбельную, с легкостью усыпил Кербера и проскользнул мимо него. Также и герой знаменитого цикла мифов Геракл при помощи Тесея одолел пса Аида, выполнив последнее из двенадцати заданий, данных ему Эврисфеем, царем Арголида. Античные авторы несколько веков запечатлевали труды Геракла в литературе и росписях, наиболее подробно сражение с Кербером (Цербером) описано римлянином Сенекой (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.). В его трагедии «Геркулес в безумье», сочиненной в I в., рассказчиком является Тесей, а главный герой выходит на бой со страшным псом, вооружившись простой палкой и подпоясавшись шкурой непобедимого Немейского льва — своим первым трофеем. Победа над Цербером, который по обыкновению показан как пес с тремя головами, раз и навсегда доказала неуязвимость Геракла. 🐾

Дом завиднелся Дита ненасытного,
Там царства сторож яростный, стигийский пес
Пугает тени лаем, разрывающим
Три глотки. Голову в крови запекшейся
Гадюки лижут, змеи гривой вздыбились
Вкруг шей, и хвост-дракон шипит пронзительно.
Под стать обличью злость. Едва слышал он
Шаги, как встали дыбом змеи-волосы

И, к шелесту теней бесплотных чуткие,
Насторожились уши. Сын Юпитера
Приблизился; в пещеру оробелый пес
Растрянно попятился — лишь гулкий лай
Безмолвье оглашал да змеи грозные
Шипели на загровке. Звук, утроенный
Тройною пастью, даже и блаженным был
Теням ужасен. С левой снял руки герой
Ощеренную голову клеонскую,
Как щит ее подставил, скрытый шкурой весь,

Поднял десницей палицу победную, —
И вот она летает у него в руке,
Удары множа. Сокрушенный, сломленный,
Пес не грозит уж: головы повесивши,
В пещеру он забился. А властители
В испуге разрешили увести его
И в дар меня по просьбе друга отдали.
Рукой по шее потрепав чудовище,
На алмазную цепь он взял его.
Бессонный сторож царства беспросветного,

Прижавши робко уши, позабывши злость,
Послушно влекся следом, свесив головы

И змееносным по бокам хлеща хвостом.
Когда к Тенара устьям мы приблизились
И вдруг в глаза ударил свет невиданный,
Вновь злоба обуяла побежденного:
Стал цепь трясти и рваться и по склону вниз
Чуть не увлек с собою победителя.
Но на мои тут руки оглянулся он,
И пса, борьбой напрасной разъяренного,

Мы потащили с силою удвоенной
И вывели на свет. Увидев ясного

Простор блестящий неба и сиянье дня,
Глаза закрыл он, ненавистный день прогнав,
И повернулся вспять, и, шею свесивши,
Уперся в землю мордой, и в Алкидовой
Тени укрылся. Но толпа с ликующим
Подходит кликом, увенчавшись лаврами,
И песней славит Геркулеса подвиги.

ОДИССЕЙ У ВРАТ СМЕРТИ¹

Эпическая поэма Гомера «Одиссея» (ок. 700 до н. э.) — одно из самых древних и подробных описаний загробной жизни. В поэме говорится о десяти годах странствий грека Одиссея, героя Троянской войны, который возвращается на родной остров Итаку. Преодолевая преграды, которыми бог моря Посейдон усыпал его обратный путь, Одиссей по наставлению волшебницы Цирцеи осмелился прийти к вратам Царства мертвых, чтобы спросить у тени знаменитого прорицателя Тиресия, как вернуться домой на Итаку. У Гомера Царство мертвых находится не в недрах земли, а на далеком туманном берегу: «Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана; там киммериян печальная область, покрыта вечно влажным туманом и мглой облаков». Проведя колдовской ритуал, Одиссей смог говорить с душами усопших, пришедшими на его зов, и даже с тенью своей матери. Позже всех явилась тень Аякса, героя Троянской войны, который воевал на стороне Одиссея, но умер в схватке из-за доспехов их павшего союзника Ахилла, выкованных богами. Когда мрачная тень Аякса растворилась во тьме, так ничего и не сказав, Одиссей глубже впился взором во тьму Эрева, чтобы увидеть «души других знаменитых умерших». К ужасу своему, он узрел вечные мучения титанов и, объятый страхом, вернулся на ожидавший его корабль. ♣

Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фетида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о! зачем одержал я победу,
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
Бодрый Аякс, и лица красотою, и подвигов славой
После великого сына Пелеева всех превзошедший.

Голос возвысив, ему я сказал миротворное слово...

Так я сказал: не ответственал он; за другими тенями
Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эреве.
Может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль
я с ним,

Если б меня не стремилو желание милого сердца
Души других знаменитых умерших увидеть. И скоро

В Аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;
Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в просторном с вратами широкими доме Аида.

После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
Гнал по широкому Асфодилонскому лугу зверей он —
Их же своєю железной ничем не крушимой дубиной
Некогда сам он убил на горах неприступно-пустынных.

Тития также увидел я, сына прославленной Геи;
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали

Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.

Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнию:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убежала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных деревьев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви деревьев к облакам подымались темным.

Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнию;
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но, едва достигал до вершины
С тяжелой ношей, назад устремленный невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова, вся покрытая черною пылью.

Видел я там, наконец, и Ираклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебеи, цветущей
Дочери Зевса от златообутой владычицы Иры.
Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
Хищные птицы; и, темной подобясь ночи, держал он
Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве, и ужасно
Вкруг озирался, как будто готовясь выстрелить; страшный

Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав
Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
Львы грозноокие, дикие вепри, лесные медведи,
Битвы, убийства, людей истребленье изваяны были;
Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства, не мог бы,
Сам превзошедши себя, ничего уж создать совершенней.
Взор на меня устремив, угадал он немедленно, кто я;
Жалобно, тяжело вздохнул и крылатое бросил мне слово:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играет
Так же, как мной под лучами всезрящего солнца играла?
Сын я Крониона Зевса: но тем от безмерных страданий
Не был спасен; покориться под власть недостойного мужа
Мне повелела судьба. И труды на меня возлагал он
Тяжкие. Так и отсюда был пса троеглавого должен
Я увести: уповал он, что будет мне труд не по силам.
Я же его совершил, и похищен был пес у Аида;
Помощь мне подали Эрмий и дочь громовержца Афина».

Так мне сказав, удалился в обитель Аидову призрак.
Я ж неподвижно остался на месте и ждал, чтоб явился
Кто из могучих героев, давно знаменитых и мертвых.
Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
Славных, богами рожденных, Тезея царя, Пиритоя,
Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны,
Выслать из мрака Аидова против меня Персефона.
Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля нисколько,
Люди мои на него собрались и канат отвязали.
Все на корабль собрались и сели на лавках у весел.
Судно спокойно пошло по течению вод Океана,
Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

СОКРАТ РАССУЖДАЕТ О НАКАЗАНИИ ДУШИ¹

Посмертное наказание для героев, которые бросили вызов богам, стало общим местом в древнегреческой мифологии и поэзии, но удел обычных смертных — это тема, достойная философских раздумий. В последний день жизни философ Сократ (ок. 470–399 до н. э.) в окружении друзей рассуждал о наказании души. Задача философии, утверждал он, возвращать добродетель, которая подготовит людей к отделению души от тела, ибо именно это происходит в момент смерти. Сократ верил, что тех, «кого по тяжести преступлений сочтут неисправимыми», низвергнут в Тартар без надежды на освобождение. Те же, кто совершил меньшие преступления, понесут меньшее наказание. Проведя год в Тартаре, они будут освобождены, если склонятся на их мольбы те, кому они нанесли ущерб при жизни. Те же, кто очистился добродетелью благодаря философии, вообще не попадут в земные недра — они «живут совершенно бестелесно и прибывают в страну высшей чистоты, находящуюся над той Землею». Последнее напутствие Сократа его ученикам было простым: занятия философией — верный способ избежать наказания после смерти.

Когда умершие являются в то место, куда уводит каждого его гений, первым делом надо всеми чинится суд — и над теми, кто прожил жизнь прекрасно и благочестиво, и над теми, кто жил иначе. О ком решат, что они держались середины, те отправляются к Ахерону — всходят на ладьи, которые их ждут, и на них приплывают на озеро. Там они обитают и, очищаясь от провинностей, какие кто совершал при жизни, несут наказания и получают освобождение от вины, а за добрые дела получают воздаяния — каждый по заслугам.

Тех, кого по тяжести преступлений сочтут несправивыми (это либо святотатцы, часто и помногу грабившие в храмах, либо убийцы, многих погубившие вопреки справедливости и закону, либо иные схожие с ними злодеи), — тех подобающая им судьба низвергает в Тартар, откуда им уже никогда не выйти.

А если о ком решат, что они совершили преступления тяжкие, но все же искупимые — например, в гневе подняли руку на отца или на мать, а потом раскаивались всю жизнь, либо стали убийцами при сходных обстоятельствах, — те хотя и должны быть ввергнуты в Тартар, однако по прошествии года волны выносят человекоубийц в Кокит, а отцеубийц и матереубийц — в Пирифлегетонт. И когда они оказываются близ берегов озера Ахерусиады, они кричат и зовут, одни — тех, кого убили, другие — тех, кому нанесли обиду, и молят, заклинаят, чтобы они позволили им выйти к озеру и приняли их. И если те склонятся на их мольбы, они выходят, и бедствиям их настает конец, а если нет — их снова уносит в Тартар, а оттуда — в реки, и так они страдают до тех пор, пока не вымолят прощения у своих жертв: в этом состоит их кара, назначенная судьями. И наконец, те, о ком решат, что они прожили жизнь особенно свято: их освобождают и избавляют от заключения в земных недрах, и они

приходят в страну вышней чистоты, находящуюся над той Землею, и там поселяются. Те из их числа, кто благодаря философии очистился полностью, впредь живут совершенно бестелесно и прибывают в обителища еще более прекрасные, о которых, однако же, поведать нелегко, да и времени у нас в обрез.

И вот ради всего, о чем мы сейчас говорили, Симмий, мы должны употребить все усилия, чтобы приобщиться, пока мы живы, к добродетели и разуму, ибо прекрасна награда и надежда велика!

В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ¹

Не было античного автора, который повлиял на описания посмертных мук больше, чем римский поэт Вергилий (70–19 до н. э.) Наследуя Гомеру, Вергилий сочинил эпическую поэму «Энеида» о том, как Эней, бежав с Троянской войны, стал основателем Рима. Написанная на заказ для римского императора Августа (63 до н. э. — 14 н. э.) «Энеида» Вергилия стала бестселлером на многие века. Римляне считали эту поэму не только поэтическим основанием своей национальной идентичности, но и примером латинского красноречия. Трудно переоценить влияние «Энеиды» на западную традицию. Поэма была основой римской системы образования. Даже после падения Римской империи и окончания античного язычества «Энеиду» заучивали наизусть христианские монахи, имитируя ее стиль в стихах и интерпретируя мифологическое содержание произведения как христианскую аллегорю.

В подражание Одиссею, который у самых Врат смерти советовался с тенью Тиресия, герой Вергилия Эней отправился в царство теней, чтобы поговорить с отцом. В подарок владычице Аида Персефоне Сивилла, жрица Аполлона, дала ему золотую ветвь с дерева, что росло в лесу возле ее пещеры. Вместе с Сивиллой Эней спустился в подземное царство, где встретил мрачного Харона, перевозчика душ усопших